

Covenant & Conversation

Jonathan Sacks
THE RABBI SACKS LEGACY

БЕСЕДЫ О НЕДЕЛЬНЫХ ГЛАВАХ ТОРЫ

НА ОСНОВЕ НАСТАВЛЕНИЙ И СТАТЕЙ

РАББИ ЛОРДА ДЖОНАТАНА САКСА, ДА БУДЕТ БЛАГОСЛОВЕННА ПАМЯТЬ О ПРАВЕДНИКЕ

Благодарим семью Шиммель за щедрую спонсорскую поддержку цикла Covenant & Conversation, посвященного памяти Гарри (Хаима) Шиммеля. «Я влюбился в Тору рабби Хаима Шиммеля, едва она впервые попала мне в руки. Ее цель – поведать не только о той истине, которая лежит на поверхности, но и о ее взаимосвязи с более глубокой, заветной истиной. Он и его замечательная жена Анна, прожившие вместе 60 лет, вместе построили жизнь, которая была посвящена любви – любви к семье, к общине и к Торе. Эта необыкновенная супружеская пара неизмеримо растрогала меня, подавая пример того, как нужно жить.» – Рабби Сакс

МИШПАТИМ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО СВЕТЛАНЫ СИЛАКОВОЙ

Б-г — в деталях

Недельная глава «Мишпатим» начинается так: «Вот законы, которые ты должен предложить им» (Шмот, 21:1). Вчитаемся в комментарий Раши к этому месту:

«Вот законы, которые ты должен предложить им».

Слово «вот», «эти» [в начале фразы], где бы оно ни употреблялось, означает противопоставление сказанному ранее. [Выражение] «и вот», «и эти», [стоящее в начале предложения, означает] добавление к уже упомянутому ранее, [и здесь это надо понимать так:] как предшествующие [законы, содержащиеся в недельной главе «Итро»] даны на горе Синай, так и эти [законы из главы «Мишпатим»] даны на горе Синай. Раз так, почему законы из области гражданского права примыкают к законам, касающимся жертвенника? Чтобы сказать тебе, что Сангедрин следует разместить вблизи Храма¹.

«...которые ты должен предложить им».

«Не вздумай учить их [евреев, этим законам], повторяя [одно и то же] два и три раза, пока они не выучат их назубок, не утруждая себя разъяснением их значения и смысла», поэтому сказано: «...которые ты предложишь им», как предлагают блюда, расставленные на накрытом для трапезы столе² (Раши к Шмот, 21:1).

Здесь изложены три примечательных принципа, которые с тех времен доныне служат камертоном иудаизма.

Первый гласит: не только общие принципы иудаизма, но и их детали — от Б-га. (Кстати, словосочетание «Асерет а-диброт» означает не «Десять заповедей», а «Десять речений» или «Десять всеобъемлющих принципов».)

В 1960-х годах датский архитектор Арне Якобсон, проектируя комплекс построек для одного из колледжей в Окс-форде, считал нужным разработать не только проект здания, но и дизайн посуды, ложек и вилок для столовой. А еще надзирал за посадкой каждого куста в саду колледжа. Когда его спросили: «К чему такая скрупулезность?», он повторил

¹ Так в английском переводе. В русском переводе: «Но почему эти законы примыкают к разделу о жертвеннике? Сказать тебе, что Сангедрин должен собираться в Храме [у

жертвенника]». Цит. по: Тора с комментарием Раши. М.: Книжники; Лехаим, 2017. Т. 2. С. 373. — Примеч. перев.

² Там же. С. 373–374.

афоризм другого архитектора, Миса ван дер Роз: «Бог — в деталях».

Это еврейский взгляд на вещи. Некоторые полагают, что святость иудаизма — в широчайшей концепции, которая всего убедительнее выражена в Десяти заповедях на Синае. Но на самом деле Б-г в деталях: «Как предшествующие [законы] даны на горе Синай, так и эти [законы] на горе Синай». Величие иудаизма не только в его возвышенной концепции свободного, справедливого и милостивого общества, но и в том, как он приносит эту концепцию с небес на землю, воплощает в жизнь с помощью детального законодательства.

Свобода — не отвлеченное понятие, а нечто большее. Во времена, когда рабство не считалось противоестественным (кстати, в Великобритании и США его отменили лишь в XIX веке), понятие «свобода» означало, что раба положено освободить через семь³ лет, а если хозяин его покалечит, то немедленно. Также понятие «свобода» означало, что каждый седьмой день рабам давали полный отдых и свободу. Хотя эти законы не отменяют рабства, они создают почву для того, чтобы люди однажды осознали необходимость упразднения рабства. Столь же важно, что эти законы превращают рабство из экзистенциального удела во временное состояние. Звание раба — не твое неотъемлемое свойство или врожденный статус, а временное положение, от которого ты когда-нибудь будешь избавлен. Вот преобразования, которые стали результатом этих законов, особенно закона о шабате, — причем не только теоретические, но и практические, в реальной жизни. В этом, как и практически во всех остальных аспектах иудаизма, Б-г воистину в деталях.

Второй принцип, тоже основополагающий, гласит, что гражданское право все равно имеет религиозный, а не секулярный характер. Нам

чужд подход: «Отдавайте кесарю кесарево, а Б-гу — Б-жье». Мы признаем разделение властей, но не подход, при котором право становится секулярным, а вера регулирует исключительно духовную жизнь. Сангедрин, то есть Верховный суд следует разместить вблизи Храма, дабы мы усвоили: закон как таковой должен руководствоваться религиозными концепциями.

Величайшая из этих концепций изложена в нашей недельной главе: «Не притесняй переселенца. Вы знаете, каково приходится переселенцу, ведь вы сами были переселенцами в земле Египетской» (Шмот, 23:9).

Еврейская концепция справедливости, здесь впервые изложенная детально, основана не на целесообразности или прагматизме и даже не на отвлеченных философских принципах, а на конкретной исторической памяти еврейского народа как «единого народа под Б-гом»⁴.

Много веков назад Б-г избрал Авраама, чтобы тот «заповедал своим сынам и домочадцам после себя следовать путями Г-спода, творить добро и справедливость»⁵ (Берешит, 18:19). В иудаизме понятие справедливости продиктовано личным опытом несправедливых притеснений от рук египтян, а также непрым Б-жьим поручением — задачей построить в Израиле общество иного типа.

Это предвосхищает уже первая глава Торы, провозглашая, что все люди обладают равным и абсолютным человеческим достоинством, поскольку сотворены по образу Б-жию. Именно поэтому общество должно основываться на верховенстве закона, применяемого беспристрастно, чтобы перед законом все были равны: «Не следуй за большинством в неправом деле. Когда даешь свидетельские показания в тяжбе, не извращай правосудие, принимая сторону большинства»⁶.

³ Так у автора. В Шмот, 21:2 в русском переводе Д. Сафронова под редакцией А. Графова: «Если купишь раба-еврея, пусть он служит шесть лет, а на седьмой год он должен стать свободным без выкупа». — *Примеч. перев.*

⁴ Дварим, 29:9–10.

⁵ Так в английском переводе. В русском переводе Д. Сафронова под редакцией А. Графова: «...он заповедует

своим сынам и потомкам следовать путями Г-спода, творить добро и правосудие». — *Примеч. перев.*

⁶ Так в английском переводе. В русском переводе Д. Сафронова под редакцией А. Графова: «...и не свидетельствуй по тяжбе, склоняясь за большинством, пытаясь запутать дело». — *Примеч. перев.*

Но и нищему не потворствуй в его тяжбе» (Шмот, 23:2–3).

Правда, высшие уровни мистицизма призывают искать Б-га в сокровенных глубинах человеческой души, но в равной степени Б-га следует искать в публичной сфере и социальных структурах: на базарной площади, в кабинетах чиновников, в зале суда. Не должно быть никаких расхождений, никакого двоемыслия: одной и той же концепции нужно следовать в суде (где человек соприкасается с другими людьми) и в Храме (где человек соприкасается с Б-гом).

Третий, самый примечательный из всех принцип — это идея, что закон не является исключительной собственностью юристов. Закон — наследие, принадлежащее каждому еврею.

«Не вздумай учить их [евреев, этим законам], повторяя [одно и то же] два и три раза, пока они не выучат их назубок, не утруждая себя разъяснением их значения и смысла», поэтому сказано: «...которые ты предложишь им», как предлагают блюда, расставленные на накрытом для трапезы столе».

Кстати, этот образ навел название самого знаменитого кодекса еврейских законов — «Шульхан аруха» рабби Йосефа Каро.

Иудаизм с самой зари своего существования требовал, чтобы каждый человек знал и понимал закон. Юридические познания — не

собственность элиты, оберегаемая от непосвященных. Нет, это «наследие общины Яакова» (Дварим, 33:4).

Уже в I веке н. э. Йосеф бен Матитьяу⁷ сообщал: «Из нас же, кого о наших законах ни спроси, тому скорее труднее будет назвать свое собственное имя, чем рассказать их все. Вот потому от самого раннего пробуждения сознания в нас мы изучаем их и имеем как бы начертанными в своем сердце. Потому-то их нарушения — редкость, и никто не может избежать наказания, извиняя себя незнанием законов» («Против Апиона», книга II).

Вот почему среди адвокатов так много евреев. Иудаизм является религией закона вовсе не по той причине, что он якобы не признает любовь (нам заповедано: «люби Г-спода, твоего Б-га», «люби ближнего, как самого себя»), а потому, что без справедливости любовь, свобода и вообще человеческая жизнь хиреют. Чтобы избавить раба или рабыню от оков, одной любви недостаточно.

После ошеломляющего величия Синайского откровения «Мишпатим» с ее детальными правилами и предписаниями может даже разочаровывать. Но это неверная реакция. Да, общая концепция изложена в «Итро», но ведь Б-г — в деталях. Да, без общей концепции закон слеп. Но пока не проработаны детали, эта идеальная концепция витает в облаках. Опираясь на детали, Б-жественное Присутствие спускается на землю, туда, где Оно нам всего нужнее.

⁷ Он же Иосиф Флавий (ок. 37 — ок. 100 н. э.) — древнееврейский историк и военачальник. — *Примеч. перев.*